

RUGRAM

ПЛУТАРХ

Пир семи мудрецов

Изречения царей и полководцев

ФТМ

Москва

2022

УДК 122
ББК 87.1
П40

ΠΛΟΥΤΑΡΧΟΣ
Ἑπτὰ σοφῶν συμπόσιον
Βασιλέων ἀποφθέγματα καὶ στρατηγῶν

Перевел с древнегреческого М. Гаспаров

Плутарх

П40 Пир семи мудрецов. Изречения царей и полководцев / Плутарх ; [пер. с др.-греч. М. Гаспарова]. — М.: «RUGRAM_ФТМ», 2022. — 237с. — (Серия «Мировая классика»).

ISBN 978-5-521-74679-8

В настоящее издание вошли такие знаменитые произведения Плутарха, как «Пир семи мудрецов» и «Изречения царей и полководцев», в переводе М. Л. Гаспарова.

**УДК 122
ББК 87.1**

ISBN 978-5-521-74679-8

© Гаспаров М. Л., перевод
на русский язык, наследники, 2021
© Оформление.
ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022

ПИР СЕМИ МУДРЕЦОВ

1. Вижу я, дорогой мой Никарх, что впрямь течение времени погружает предметы во мрак и скрывает от взгляда, если даже о делах недавних и памятных выслушиваются с доверием явные выдумки. Не семеро было застольников на том пиру, как вам рассказывали¹, а вдвое, если не втрое больше, и я сам был среди них, Периандру будучи знаком по искусству моему², а Фалесу будучи гостеприимцем, так как Периандр ему предложил остановиться у меня. И разговоры на том пиру рассказчик вам передал неправильно, кто бы он ни был, ибо сам-то он заведомо не был среди собравшихся. Поэтому расскажу вам об этом все с самого начала по вашему желанию: времени у меня достаточно, а откладывать такой рассказ на будущее в преклонные мои годы было бы ненадежно.

2. Периандр приготовил для гостей прием не в городе, а в особенном доме в Лехее³ близ храма Афродиты, в честь которой он справлял жертвоприношение. После того как мать его от любви сама покончила с собою⁴, он перестал было жертвовать Афродите и теперь в первый раз, побуждаемый Мелиссою, явившейся ему во сне, вновь решился оказывать почести и служить этой богине. Каждому из приглашенных подана была повозка в достойном убранстве, но время было летнее, и от множества людей и повозок по всей дороге до самого моря стояла пыль и толкотня. Поэтому Фалес, увидав повозку у наших дверей, только улыбнулся и отпустил ее. И мы спокойно пошли пешком стороною через поля.

Третьим с нами был Нилоксен из Навкратис^{а5}, достойнейший муж, познакомившийся с Солоном и Фалесом еще в бытность их в Египте. Теперь его вновь посылали к Бианту Приенскому, а зачем — этого он и сам не знал, и лишь подозревал, что нужно было отнести Бианту запечатанную в свитке вторую задачу; если же Биант откажется, то ему велено было открыть ее мудрейшим из эллинов.

«Повезло мне, — сказал Нилоксен, — что застал я вас здесь всех в сборе; вот и несу я этот свиток к вам на пир», — и он показал нам свиток.

Фалес улыбнулся. «Стало быть, опять, — сказал он, — на Приену все беды валяются?⁶ Ну, что ж, Биант решит вам эту задачу, как решил и первую».

«А какая была первая?» — спросил я.

«[Царь Амасис], — сказал Фалес, — послал ему жертвенное животное и просил вырезать и прислать ему обратно самую лучшую и самую худшую часть его; а наш Биант, превосходно рассудивши, вырезал и отослал ему язык жертвы⁷; и за это все громко хвалят его и восхищаются им».

«Не только за это, — сказал Нилоксен, — а и за то, что он не избегает быть и слыть другом царей, как это делаешь ты. Царя многое в тебе восхищает, но особенно ему понравилось, как измерил ты высоту пирамиды, не приложив никакого труда и не пользуясь никаким орудием. Ты поставил свой посох там, где кончалась тень от пирамиды, так что солнечный луч, касаясь их вершин, образовывал два треугольника⁸; и ты показал, что как длина одной

тени относится к длине другой тени, так и высота пирамиды к высоте посоха. И все-таки, как сказал я, тебя перед царем оклеветали, будто ты — враг царям, и передали ему твои надменные изречения о тиранах: будто на вопрос Молпагора Ионийского, что ты видел самое удивительное, ты ответил: „Тирана в старости“⁹, и будто однажды на пиру в беседе о животных ты сказал: „Из диких хуже всех тиран, из домашних — льстец“¹⁰. А ведь хоть цари и очень притворяются, будто вовсе они не похожи на тиранов, но слышать такое им не по нраву».

«Нет, — сказал Фалес, — слова эти — Питтаковы, и обращены они были в шутку к Мирсилу¹¹. А я говорил, что мне удивительно было видеть не тирана, а корабельного кормчего в старости. Но и о перетолковании таком я могу сказать, как тот мальчишка, который бросил камнем в собаку, а попал в мачеху и промолвил: „И то неплохо“. Потому я и Солона почитаю премудрым, что ему предлагали тираническую власть, а он отказался¹². И сам Питтак не иначе, как в ответ на предложение единовластия, сказал свои слова: „Трудно быть

хорошим“¹³. А Периандру его тирания досталась как наследственная болезнь, но до сих пор он неплохо с нею справлялся, пользуясь целебными беседами и общаясь с людьми здравомыслящими; и когда земляк мой Фрасибул советовал ему „срезать верхушки“¹⁴, он не послушался. Тиран, предпочитающий владеть над рабами, а не над свободными людьми, — разве это не то же, что мужик, пожелавший вместе с ячменем и пшеницею свезти в амбар и саранчу, и жадных птиц? Власть многим нехороша, а хороша одним только — честью и славою, да и то лишь, если это власть лучшего над хорошими и величайшего над великими. А кто думает не о достоинстве, а только о своей безопасности, тот пускай пасет овец, лошадей и коров, а не людей.

Впрочем, — продолжал Фалес, — вряд ли нынче своевременны эти рассуждения, на которые вызвал нас товарищ, а лучше бы нам говорить и думать о предметах, более уместных по дороге на пир. Разве, Нилоксен, тебе не кажется, что не только хозяин должен к пиру приготовиться, но и гости? Сибариты, говорят, рассылали своим гостям приглашения за год¹⁵,

чтобы женам их достало времени принарядиться для пира платьями и украшениями. А я так думаю, что и этого мало хорошему застольнику для настоящего приготовления к пиру, потому что труднее приискать душе пристойное убранство, чем телу непомерное и ненужное. Человек разумный идет на пир не с тем, чтобы до краев наполнить себя, как пустой сосуд, а с тем, чтобы и пошутить, и посерьезничать, и поговорить, и послушать, что у кого кстати придет на язык, лишь бы это было и другим приятно. Ведь и кушанье дурное можно устранить, и от вина невкусного можно перейти на воду; но если застольник попадется грубый, неучтивый и тоску нагоняющий, то он портит и губит всякое удовольствие и от еды, и от питья, и от музыки; отделаться от такой доуки нелегко¹⁶, и у некоторых эта обида на соседей остается в душе на всю жизнь, словно похмелье от застольного тщеславия и раздражения. Поэтому прекрасно поступил Хилон, который не прежде принял вчерашнее приглашение, чем расспросил обо всех, кто будет на нашем пиру. „С кем приходится плыть на корабле или служить на войне, — сказал он, — тех мы поневоле терпим